

Разводить костер в обед не стали. Перекусили всухомятку прихваченными с собой кукурузными лепешками вовотоу — разделяться в глухой чаще ребята не рисковали. В полуденный зной, когда солнце пекло вовсю, у ручья было тихо: кроме редких птиц, ни одна живая душа не выходила на водопой. Гоудань и Ван Сюань торопились расставить силки. Мастерили они их в основном из обычных веревок — для поимки зайца или дикого фазана большего и не требовалось.

Пробираясь вдоль берега мимо густого переплетения следов на сыром песке, Гоудань удивленно воскликнул:

— Тут даже горные козы пробегали! А вот крупных хищников пока не видать. В этих краях их, поди, и нет вовсе?

— Наверняка водятся, — отозвался Ван Сюань. — Вопрос лишь в том, улыбнется ли нам удача их встретить.

Веревки они взяли с запасом, так что силками утыкали чуть ли не оба берега ручья. Если заготовок не хватало, тут же срезали гибкие ветки и мастерили новые петли — дело нехитрое, рука у них быстро набилась.

— Брат Гоудань, глянь-ка! Не кабан ли тут поорудовал? — Ван Сюань указал на ствол дерева, где кора была ободрана и заляпана подсохшей грязью. — Видишь, следы свежие. Верно, выкачался в болотце у ручья, а об это дерево чесался, когда мимо проходил.

— Не знаю наверняка, но зверюга явно крупная. — Гоудань достал из пространственного кармана мотыгу. — Давай-ка выроем тут пару ловчих ям. Вдруг повезет, и нас будет ждать приятный сюрприз.

— Может, притравить их чем-нибудь для верности? — спросил Ван Сюань.

— Пока не надо, — отмахнулся Гоудань. — Пока обойдемся без этого.

Провозившись так добрую половину дня, они двинулись обратно, на ходу еще раз проверяя расставленные капканы.

— Дело к вечеру, пора возвращаться, — подытожил Гоудань.

Ночевать в чаще они не решались — глухая тайга впотьмах превращается в царство хищников, да и нужды в этом не было. Звери выходят на промысел ночью. Если кто и попадет в петлю, провисит до утра, а на рассвете они придут и все проверят.

С наступлением сумерек таежная гнусь совсем озверела — тучи комаров с противным писком вились над головами.

— Какое счастье, что ты сварил ту мазь, — потирая шею, признался Гоудань. — Без нее нас бы за эти полдня живьем сожрали.

Ван Сюаню всегда было приятно слышать похвалу от названного брата. Он довольно улыбнулся:

— Я столько времени мараю бумагу и зубрю рецепты не для того, чтобы пасовать перед какими-то мошками. Было бы глупо не использовать то, чему научился.

Летние дни тянутся долго. Когда ребята подошли к окраине деревни Сикань, над западным горизонтом еще догорала багряная заря. В неглубокой речушке вовсю плескалась деревенская детвора — от мала до велика. Эта водная артерия поистине была спасением и поила сразу несколько окрестных деревень.

В деревне Сикань мужчины ложного стыда не знали: за день упреешь так, что рады были скинуть рубахи и окунуться прямо у дороги, оставшись в одних исподних штанах. Женщины, разумеется, тоже приходили к реке, но облюбовали место повыше по течению — там, за крутым изгибом берега, густой ивняк надежно скрывал их от досужих взоров. Каждый вечер после работы к воде тянулась вереница людей: шли по двое, по трое, неся в руках деревянные шайки, ведра и свертки с чистым бельем.

Раньше Гоудань часто слышал соленые шуточки местных мужиков на этот счет. Те в голос хохотали, жалуясь, что мыться ниже по течению — дело неблагодарное, ведь приходится плескаться в «обносках» за бабами. По их разумению, девкам следовало уходить вниз по реке, а то, мол, мужикам приходится смывать с себя их бабью скверну. Кое-какие намеки Гоудань тогда понимал, другие пропускал мимо ушей, но твердо усвоил: деревенские не больно-то жаловали то, что бабы моются выше них.

— Гоудань! Куда это вы вдвоем на весь день запропалились? Только-только возвращаетесь? — раздался громкий голос из воды.

Гоудань прищурился и узнал односельчанина:

— А, дядя Торчащий Зуб! Да так, ходили по окрестностям погулять. А вы что, ополоснуться решили?

— Ну дык! — мужик оглушительно загоготал, разбрызгивая воду вокруг себя. — В такую-то жару! Если каждый день не мыться, к вечеру провоняешь хуже тухлой воблы!

Дядя Торчащий Зуб слыл в деревне неисправимым весельчаком. Рот у него почти не закрывался, обнажая кривые передние резцы, и он постоянно скалился по любому поводу — не из злобы, а просто из любви почесать языком да поглазеть на чужие дела.

Дома их встретил Ли Сы. Отец с порога окинул сына встревоженным взглядом. Ему очень не нравилось, что хлопцы повадились бегать в горы. Свежа еще была память о том, как Гоудань пропал на несколько дней. И пусть позже выяснилось, что малец просто провалился в

заброшенный колодец, страх за дитя пустил глубокие корни в отцовское сердце. Тайга — место гиблое. Деревенские хоть и жили впроголодь, а в глушь никто соваться не смел.

— Вернулись наконец? — глухо спросил Ли Сы.

— Да, папа, — отозвался Гоудань, аккуратно пристраивая пустую корзину у стены. — Ты иди к речке первый, если искупаться хочешь. Мы чуть позже сходим.

— Ладно. На столе все готово, проголодались — садитесь ужинать без меня.

Обычно у плиты хозяйничал Ван Сюань, а Гоудань вертелся рядом на подхвате. Но когда хлопцы задерживались в лесу, стряпню брал на себя Ли Сы.

Ребята заглянули в миски, оставленные на столе. Ужин оказался скудным — в доме шаром покати. И это при том, что на тайном огороде в этом году уродилось немало всякой зелени, но бережливый Ли Сы упрямо приготовил всего одно простенькое блюдо. Ван Сюань вздохнул и полез в глиняную кадку за маринованными побегами бамбука.

— Обойдемся этим, — накладывая острую закуску в плошку, негромко произнес он. — В такую духоту горячего и не хочется.

— Ладно, давай сначала переоденемся да сбегает на речку, — Гоудань стянул через голову пропотевшую рубаху. — Упрел так, что дышать нечем.

Когда все трое, чистые и посвежевшие, наконец сели за стол, деревню уже окутала ночная прохлада. Ужинали в полумраке, при тусклом, колеблющемся свете керосинки.

На следующее утро спать допоздна не пришлось. На рассвете, когда небо лишь подернулось предрассветной серостью, Гоудань и Ван Сюань уже были на ногах. Оставлять силки без присмотра надолго нельзя: попавшийся зверь за несколько часов мог задохнуться и протухнуть на жаре, а живой — перетереть зубами тонкую бечеву и удрать вместе с петлей. Конструкция-то была самая примитивная.

Гоудань сладко зевнул, едва разлепляя заспанные глаза:

— Пап, мы в лес. Вернемся — тогда и позавтракаем.

— Ступайте, — слышался из темноты тихий голос Ли Сы.

— Ну и роса... — пробормотал Гоудань, раздвигая тяжелые стебли полыни. — Быть доброму вёдру.

К середине пути они вымокли чуть не по пояс. Мокрая ткань штанин липла к ногам, холодила кожу, и Ван Сюань невольно передернул плечами от озноба.

— Зябко? — заметил его дрожь Гоудань. — Достань из пространственного кармана теплую куртку, накинь на плечи.

— Не надо, — отмахнулся Ван Сюань. — Солнце поднимется — мигом согреемся. А хорошую вещь в кустах только издерешь всю.

Гоудань спорить не стал — хозяйское дело. Замерзнет по-настоящему, сам оденется. Он снова по-собачьи сладко зевнул:

— Ох... Совсем отвык на рассвете подскакивать. Как в Уездную среднюю школу пойдем, беда будет. Там ведь тоже небось рано будить станут?

— Классный руководитель говорил, что в городе строгие порядки, — отозвался Ван Сюань, ловко обходя поваленное дерево. — Ученики спозаранку делают зарядку, потом сразу на утренние чтения. Вставать придется куда раньше, чем у нас в деревне.

— Вот же людям делать нечего, — проворчал Гоудань. — К чему такая спешка ни свет ни заря?

Ван Сюань лишь покачал головой, решив не продолжать спор. Он слишком хорошо знал характер своего названного брата. Гоудань терпеть не мог зубрежку и повторение пройденного — по его мнению, раз на уроке все понял и запомнил, то и возвращаться к теме незачем, пустая трата драгоценного времени. К обязательной гимнастике у него было такое же отношение: хочешь размяться — иди в поле с мотыгой, там всю дурь из тела мигом вышибет.

К тому времени, как они добрались до подножия холмов, из-за горизонта выкатилось багровое светило. Лучи его упали на усыпанные росой луговины, превратив каждую каплю на траве в крошечный переливающийся радугой самоцвет.

На этот раз они выбрали круглую тропку. Местные охотники ревностно оберегали свои угодья, и хлопцам совсем не улыбалось попасться кому-нибудь на глаза у чужих ловушек — лишние дразги и разборки им были ни к чему. Тишина и скрытность — вот залог спокойной жизни.

— Чем меньше шума, тем целее шкура, — негромко проговорил Гоудань. — Каким бы сильным ты ни был, если ополчится вся деревня — несдобровать.

— Знаю я, — кивнул Ван Сюань.

За ночь в лесу откипела своя, скрытая от людских глаз жизнь: одни звери сытно пообедали, другие сами послужили кому-то кормом. К восходу солнца лесной прилив отхлынул, унося хищников и их жертв обратно в потайные норы и логова — переваривать добычу и копить жир до следующих сумерек. О ночной суете напоминали лишь бесчисленные цепочки следов на

влажной земле. Говорят, тайга умеет затягивать любые раны, и это чистая правда — пройдет пара часов, и от следов борьбы не останется и следа.

Солнечный свет тонкими золотыми спицами прошивал густую крону вековых сосен. Кора деревьев еще лоснилась от сырости, так что лезть наверх сейчас было бы делом скользким и опасным.

— Ладно, пошли сначала проверим силки, — предложил Гоудань. — Поглядим, богатый ли улов и уцелело ли хоть что-то.

Они осторожно двинулись вдоль ручья.

— Тут пусто... Сорвано все, — досадовал Ван Сюань, разглядывая пустую петлю.

— А этот силок и вовсе утащили, — Гоудань покачал головой, осматривая сломанный колышек. — Видать, крупный зверь пожаловал. Недооценили мы этот ручеек, сюда явно не только пичуги да зайцы на водопой ходят.

Обычная веревочная петля — преграда лишь для мелкой дичи. Лесному хозяину или кабану такой силок на один зубок: либо оборвет и уйдет вместе с веревкой, либо просто втопчет снасть в грязь.

— Брат Гоудань, гляди! Живой! — негромко позвал Ван Сюань.

В руках он держал пеструю, похожую на фазана птицу, которая отчаянно хлопала крыльями и пыталась вырваться.

— Ну вот, уже не зря пришли, — улыбнулся Ван Сюань.

Развязывать узел он не стал — прямо в силке прижал птице крылья к бокам, наскоро обмотал бечевкой и отправил живой трофей в плетеную корзину на поясе.

Дальнейший осмотр подтвердил их догадки. В ловушках сидели в основном лесные недотыкомки: парочка зайцев задохнулась в петлях, еще один дикий голубь слабо трепыхался, израненный, но живой. Одно досадно — несколько силков оказались разорены. Чей-то хищный клык или коготь сожрал законную добычу хлопцев прямо на месте, оставив лишь окровавленные обрывки веревки да клочья серой шерсти.

— Да уж, ночная жизнь тут бьет ключом, — с досадой сплюнул Гоудань. — Обидно... Сами поймали, а сожрал какой-то лесной ворюга.

Хлопцы принялись за дело: прибирали уцелевшую дичь и заново налаживали порванные снасти. Торопиться назад в деревню они не собирались — решили затаиться на раскидистых

ветвях сосен до полудня, чтобы подкараулить дневную живность. Если повезет, к вечеру снимут еще один урожай.

Выбрав небольшую прогалину, Ван Сюань щедро рассыпал по кругу отпугивающий порошок, чтобы уберечься от змей и гнуса. Гоудань тем временем вырыл небольшую яму для костра, развел огонь и пристроил сверху пузатый медный котелок, наполнив его чистой ключевой водой.

— У того беглого даоса, кроме склянок, почитай, ничего и не было, зато медной посуды — завались, — хмыкнул Гоудань, раздувая пламя.

— Это не просто посуда, а алхимические тигли, — со знанием дела поправил его Ван Сюань. — Те, что побольше, старик держал для варки лечебных мазей. Я там, среди старого хлама, нашел пожелтевшие рецепты — видать, сто лет ими никто не пользовался. Написано, как варить клей из ослиной кожи да снадобья из оленьих пантов. Для такого дела точеная утварь нужна, с толстыми стенками, чтобы снадобье томилось сутками напролет. Обычный чугунок такой жары не выдержит, прогорит.

Благодаря запасам старого лекаря, у ребят теперь было все необходимое для таежного быта — в лесу любая мелочь шла в дело.

«Конечно, медная кастрюля она и есть кастрюля, — мысленно усмехнулся Ван Сюань. — Только вот в обычном чугунке ты мазь на оленьих пантах трое суток не вываришь, прогорит вмиг.»

— Ну так я и говорю — котелок он и есть котелок, — ухмыльнулся Гоудань. — Какая разница, снадобье в нем варить или воду для ошипывания фазана греть?

Ван Сюань лишь снисходительно улыбнулся. Объяснять тонкости лекарственного искусства человеку, который в этом ничего не смыслит — только язык понапрасну трепать.

— Зайца свежевать будем? — спросил Ван Сюань, вытаскивая добычу. — И что делать с этим объедком, у которого пол-огузка хищник оттяпал?

— Шкуру снимать не надо, только мясо переводить, — со знанием дела заявил Гоудань. — Я видел, как бывалые люди делают: тушку прямо над открытым огнем палят, пока вся шерсть не выгорит. Кожица тогда запекается, хрустящей становится — объедение! А если ободрать, сухое мясо будет, безвкусное.

«Чистой воды вздор, — мысленно подумал Ван Сюань. — Но спорить с ним я, конечно же, не стану.»

Валежник попался сыроватый, костер нещадно чадил. Ван Сюань, послушавшись совета друга,

принялся обжигать заячью тушку над пламенем. Едкий дым ел глаза, вышибая слезы, но дело шло на лад.

Всю добытую за утро мелочь хлопцы тщательно выпотрошили, промыли в ручье и щедро пересыпали крупной солью. Сложив улов в деревянную лохань, они убрали его на хранение в свое тайное убежище — Сокровище, где продукты могли лежать свежими сколько угодно.

— С этой мелочью возиться — одна морока, — вздохнул Ван Сюань, вытирая испачканные сажей руки.

— Это ты еще крупного зверя не разделывал, — отозвался Гоудань. — Вот там наплачешься, пока тушу по суставам разберешь.

Над углями уже исходил соком жирный фазан, а рядом румянился тот самый полуобглоданный заячий бок.

— М-м, ну и дух! — зажмурился Гоудань, втягивая носом дразнящий аромат жареного мяса. — Ладно тебе ворчать. Скажи спасибо, что этот серый воришка нам хоть половину оставил. Мог ведь целиком уволочь, как из соседней петли, где только капли крови на траве остались. Так что нам еще повезло!

Выбрасывать подпорченное мясо хлопцы и не думали. Ван Сюань аккуратно обрезал заветренные края, тщательно промыл кусок в проточной воде и хорошенько натер солью. Насадив добычу на острую ольховую ветку, ребята пристроили ее над подернутыми седым пеплом углями.

Покончив с обедом, они вырыли глубокую яму, сбросили туда все отходы — перья, потроха и шкуры, густо засыпали специальным составом, уничтожающим запах крови, и плотно притоптали землю ногами, забросав сверху палой хвоей. Костер залили водой, золу раскидали, а алхимический тигель вымыли дочиста и убрали обратно в Сокровище. Завернув горячую, сочную дичь в широкие лопухи, ребята с удовольствием потянулись и полезли обратно на дерево — подальше от лесных гнусов и любопытных глаз.

— Раньше я все гадал, — проговорил Гоудань, с аппетитом откусывая кусок нежного фазаньего крыла, — почему наши деревенские в лес за дичью не ходят. Теперь понимаю: тут ведь не только удача нужна, но и сноровка, да чутье особое. Без этого в тайге делать нечего.

— И то верно, — согласился Ван Сюань. — Если бы каждый дурак мог силками промышлять, в лесах давно бы ни одной пичуги не осталось.

— Точно... — кивнул Гоудань. — Про дядю Хромого в деревне всякое болтают. Говорят, кабан-секач ему ногу знатно порвал. У этих тварей клыки грязные, ядовитые — дядька чуть богу душу не отдал. Рана так воспалилась, что кожа аж позеленела и гнилью пошла. Хорошо, в те времена жива еще была старуха-травница, она ему примочками да отварами всю отраву из

кости и вытянула. Полгода на печи валялся, едва оклемался. С тех пор нога у него и усохла, ходит теперь с клюкой. Ну и кто после такого в чашу сунется? Мужики рассудили, что лучше уж спину на пашне гнуть — оно хоть и тяжело, зато безопаснее.

<http://bllate.org/book/19654/1996730>